

Роберт Бреннер

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОТСТАЛОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ НА ЗАПАДЕ¹

Как правило, вопрос об отсталости в Восточной Европе ставится неверно. Его не выраженной явно посылкой является распространенное представление, восходящее еще к Адаму Смиту, что экономическое развитие более или менее естественно для общества и что его отсутствие следует объяснять действием неких экзогенных факторов. В основе настоящей статьи лежит идея, что, с исторической точки зрения, отсутствие развития является правилом, а не исключением. С этой точки зрения, если что-то и нужно объяснять специально, так это беспрецедентный прорыв к устойчивому экономическому росту, который имел место в некоторых частях Западной Европы в эпоху раннего Нового времени, а не мнимый провал развития в Восточной Европе.

В этой статье сначала будет показано, что, хотя Адам Смит предложил непревзойденное описание того, *как* происходит современный экономический рост, его анализ предлагает совершенно неверную отправную точку для теории экономического развития, потому что он даже не задается вопросом о происхождении современного экономического роста, об условиях, необходимых для его появления. Затем я предложу подход к экономической эволюции в долгосрочной перспективе, призванный ответить на вопрос, который смитовское объяснение неспособно даже поставить, выделив, с одной стороны, то, что я считаю фундаментальными общественными отношениями, определяющими воспроизводство экономической отсталости, а с другой – общественные отношения, которые привели к современному экономическому росту. Отталкиваясь от этого, я покажу, что объяснение экономического роста сводится к объяснению перехода от первых к последним, и я попытаюсь рассмотреть, с точки зрения выдвинутой

1. Robert Brenner, «Economic Backwardness in Eastern Europe in Light of Developments in the West», Daniel Chirot (ed.), *The Origins of Backwardness in Eastern Europe. Economics and Politics from the Middle Ages until the Early Twentieth Century*. Berkeley, CA: University of California Press, 1989, p. 15–52.

мною теории, различный опыт — в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени — экономической отсталости в Восточной Европе и значительной части Западной Европы, а также прорыв к экономическому развитию в некоторых частях Западной Европы.

МЕХАНИЗМ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПОЯВЛЕНИЯ

Как известно, Смит считал, что преследование рациональных личных интересов побуждает индивидуальных производителей стремиться использовать специализированные производственные мощности других производителей. Смит полагал, что они делают это, специализируясь самостоятельно и предлагая свою продукцию для обмена перспективным торговым партнерам, которые, как ожидается, могут поступать точно так же. Таким образом, индивидуальный рациональный интерес приводит к специализированному производству для обмена, принося все большую прибыль торгующим сторонам и повышая эффективность экономики в целом. Конечно, производители, работающие на рынок, должны покупать свои средства производства и средства к существованию на рынке; специализация влечет за собой зависимость от рынка. Но производители, которым приходится покупать необходимое на рынке для продолжения производства, также должны быть способны продавать свою продукцию на рынке, и они должны быть способны делать это в условиях конкуренции. Чтобы продавать на конкурентных условиях, производители должны быть способны производить товары, которые пользуются спросом и делать это с минимальными затратами; то есть производить по «общественно необходимой» стоимости или «максимизировать отношение цены к издержкам» своей продукции. Но чтобы производить по общественно необходимой стоимости, производители должны постоянно и последовательно стремиться сокращать издержки за счет дальнейшей специализации, накопления своих излишков и освоения наилучших из доступных технологий производства (инновации). Таким образом, согласно Смиту, преследование рационального личного интереса ведет к непрерывному экономическому развитию.

Особый механизм, стоящий за современным экономическим ростом, на мой взгляд, схвачен в описании действия смитовской «невидимой руки». И отличительная особенность современного экономического роста состоит не в том или ином улучшении в производстве, в той или иной форме специализации, том или ином приложении излишков, той или иной инновации. Она состоит не в распространении торговли как таковой и не в дальнейшем разделении труда, не в росте кооперации, возникновении мануфактуры или развитии машинного производства — хотя все эти вещи, конечно, способствуют экономическому росту, повышая душевое производство. Отличительной особенностью современного экономического роста является нечто более общее и абстрактное: наличие в экономике последовательного, постоянного и достаточно распространенного стремления или наклон-

ности непосредственных производителей к трансформации производства в сторону повышения эффективности всеми возможными средствами. Объяснение этого стремления или склонности состоит в том, что индивидуальные экономические участники считают, что в их рациональных личных интересах принять формы экономической деятельности, которые согласуются с требованиями экономического роста экономики в целом. Это происходит просто потому, что индивиды считают рациональным налаживать полномасштабное производство для обмена, сокращая издержки путем специализации, накопления и инноваций для успешной конкуренции, и это оказывается той самой вещью, которая необходима для продолжающегося роста экономики. То, что является благом для каждого отдельного экономического участника, является благом для саморазвивающегося экономического роста в целом.

Тем не менее, хотя Смит точно описывает механизм современного экономического роста, он ничего не говорит об условиях, при которых его механизм может действовать. На самом деле Смит просто принимает как данность необычайный феномен, нуждающийся в объяснении, а именно — соответствие между тем, что необходимо для экономического роста системы в целом, и тем, что индивидуальные экономические участники считают отвечающим их рациональным личным интересам. Это происходит потому, что, считая данностью знаменитую «естественную склонность людей к торговле и обмену», и предполагая последующее действие невидимой руки, Смит принимает как данность то, что необходимо доказать: во-первых, что производители желают сделать товаром всю или большую часть своей продукции в ответ на возможность торговли; во-вторых, что производители обладают способностью или свободой размещать свои ресурсы так, как они считают верным, и получать полную отдачу от своих капиталовложений без поборов или контроля со стороны «политических» властей². Только полная товаризация продукции производителями и их последующая зависимость от рынка заставляет их налаживать конкурентоспособное производство с тем, чтобы выживать. Только их способность свободно размещать рабочую силу и средства производства для максимизации прибыли позволяет им эффективно отвечать на требования конкуренции, производя продукцию, удовлетворяющую спрос, и стремясь сокращать издержки.

Считать данностью, что производители будут полностью товаризировать свою продукцию и обладать свободой для максимизации и полного освоения прибыли от своего производства, — значит делать целый ряд имплицитных и произвольных допущений относительно того, что является рациональным и возможным для индивидуальных экономических участников при различных социально-экономических условиях. Это значит допускать,

2. Смит не рассматривает препятствия для экономического развития, создаваемые политическим господством феодальных господ над крестьянскими производителями. Но он занимает в лучшем случае неоднозначную позицию о действительном значении этих препятствий, поскольку он также утверждает, что возникновение торговли прямо разрушает их.

во-первых, что рациональный личный интерес производителей всегда будет требовать от них производства с целью максимизации меновой стоимости, а не с целью непосредственного получения полного спектра необходимых для жизни товаров, чтобы гарантировать свое существование, продавая только физические излишки. Это значит допускать, во-вторых, что прямые производители всегда будут считать, что вложение своих средств в повышение эффективности своего производства и производительности, а не в улучшение и увеличение своей способности изымать продукцию для себя у других силой, отвечает их рациональным личным интересам.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВИЛА ВОСПРОИЗВОДСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

При каких условиях формы экономической деятельности, осуществляемой отдельными экономическими участниками, отвечают требованиям экономического роста экономики в целом? Для ответа на этот вопрос я попытаюсь показать, что отдельные экономические участники будут считать рациональным и возможным следовать формам экономической деятельности, поддерживающей современный экономический рост, описанный Адамом Смитом, только при условии преобладания определенных, весьма специфических, исторически сложившихся отношений собственности, которые мы можем назвать капиталистическими отношениями собственности. С другой стороны, на протяжении большей части мировой истории, начиная с появления оседлого земледелия и до раннего Нового времени (а в большинстве мест и гораздо дольше), в экономиках существовали отношения собственности, при которых отдельные экономические участники считали рациональным принимать формы экономической деятельности, которые, *будучи индивидуально рациональными*, все же в долгосрочной перспективе систематически препятствовали экономическому развитию. С этой точки зрения, появление современного экономического роста, описанного Адамом Смитом, зависит от исторических процессов перехода, посредством которых докапиталистические отношения собственности трансформировались в капиталистические отношения собственности, — процессов, которые, как я попытаюсь показать, ни в коей мере не являются универсальными или данными.

Под отношениями собственности я понимаю отношения между непосредственными производителями, между членами класса эксплуататоров (если таковой имеется) и между эксплуататорами и производителями, которые определяют доступ индивидуальных экономических участников (или семей) к средствам производства и к экономической продукции. Во всякой общественной экономике неизбежно существование таких отношений собственности, которые позволяют непосредственным производителям и эксплуататорам продолжать сохранять классовое положение, которое они уже занимают. Но, что еще более важно, эти отношения собственности, однажды созданные, будут определять экономический образ деятельности, который рационален для непосредственных производителей и эксплуататоров,

то есть их правила воспроизводства. Поэтому отношения собственности во многом будут определять экономическую эволюцию каждого общества — ведь данная закономерность является по большей части просто совокупным результатом выполнения правил воспроизводства индивидуальными непосредственными производителями и эксплуататорами. Причинная связь выглядит примерно так: форма отношений собственности определяет правила воспроизводства индивидуальных экономических участников, которые, в свою очередь, определяют долгосрочную направленность экономического развития или его отсутствия.

Но при каких условиях экономические участники примут формы экономической деятельности, в целом отвечающие современному экономическому росту? На мой взгляд, это можно ожидать только там, где непосредственные производители отделены от жизненных средств, прежде всего, от земли и где никакие эксплуататоры не способны сохранять свое положение, изымая часть продукции путем внеэкономического принуждения. Только там, где организаторы производства и непосредственные производители (иногда совмещаемые в одном лице) отделены от непосредственного доступа к жизненным средствам, которые они *должны* покупать на рынке, орудия труда и жизненные средства нуждаются в воспроизводстве самих себя. Только там, где производители должны покупать на рынке свои средства воспроизводства, они также должны конкурентоспособно торговать на рынке, то есть «по общественно необходимой стоимости» или для «максимизации соотношения цены/затрат». Только при наличии необходимости конкурентного производства — и соответствующем отсутствии возможности более эффективного повышения прибыли за счет принудительного перераспределения богатства или дохода непосредственных производителей — можно ожидать систематического и последовательного экономического требования повышения эффективности производства, которое является *sine qua non* современного экономического роста.

Естественно, что в экономике, где непосредственные производители отделены от своих средств к существованию, будет довольно трудно развить производительную эффективность при помощи знакомых методов, требующих совместного труда в производстве, пока не существует возможности покупать на рынке не только орудия труда и средства к существованию, но еще и рабочую силу. Кроме того, интерес представляет вопрос, зависит или нет доступность рабочей силы от отделения некоторых экономических участников не только от жизненных средств, но также от средств производства, то есть оставления некоторых экономических участников *только* с их рабочей силой, которую они могут продавать для собственного воспроизводства. Но, возможно, в экономике производителей, лишенных всех жизненных средств, можно ожидать, что соответствующие процессы конкурентного накопления сами собой приведут к дифференциации экономики на тех, кто обладает средствами производства (а также рабочей силой), и тех, кто обладает только рабочей силой. Это объясняется тем, что эти процессы предоставляют конкурентное преимущество тем, кто может использовать срав-

нительно больший и постоянно растущий объем средств воспроизводства. Короче говоря, в капиталистической экономике процесс накопления капитала создает свою собственную рабочую силу в виде пролетариата.

Итак, только там, где капиталистические отношения собственности преобладают, у экономических участников нет иного выбора, кроме как принять в качестве правила собственного воспроизводства выведение всей своей продукции на рынок по конкурентной цене, то есть производство для обмена. Только в такой экономике экономические участники постоянно стремятся сокращать издержки. Поэтому только при капиталистических отношениях собственности можно ожидать современного экономического роста.

Таким образом, мой предварительный вывод состоит в том, что для понимания возникновения современного экономического роста или экономического развития необходимо понять, каким образом установились капиталистические отношения собственности. Для удовлетворительного ответа на этот вопрос необходимо понять не только, почему докапиталистические отношения собственности навязывали экономическим участникам правила воспроизводства, по большей части несовместимые с требованиями экономического развития, но также, почему эти участники стремились поддерживать и укреплять эти докапиталистические отношения.

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ: КАК ОНИ УСТАНАВЛИВАЮТСЯ

Аграрные общества, за редкими исключениями, если таковые вообще имеются, преимущественно характеризовались отношениями собственности одного общего типа, навязывающими обществам в целом правила воспроизводства, более или менее враждебные современному экономическому росту. Во всех этих обществах отношения собственности имели две фундаментальные определяющие черты.

Во-первых, непосредственные производители имели прямой (то есть нерыночный) доступ ко всем своим жизненным средствам, а именно — орудиям труда и земле, необходимым для того, чтобы поддерживать свое существование. В одних случаях они владели ими индивидуально; в других — они пользовались ими с одобрения сообщества производителей, которое было формальным владельцем или собственником. Между этими полюсами существовало множество промежуточных форм собственности, но суть в том, что *в любом случае непосредственный производитель имел полный доступ к жизненным средствам.*

В конечном счете гарантией сохранения за непосредственными производителями их средств производства была их сознательная политическая организация в сообщества, главной целью которых как раз и была защита собственности их членов. Общины крестьян, как мы будем называть всех непосредственных производителей, которые обладают всеми своими средствами воспроизводства, считали своей осознанной целью защиту доступа своих членов к этим средствам воспроизводства от угрозы со стороны чужа-

ков, членов других общин и особенно любого рода эксплуататоров. Общины производителей организовывались множеством способов при разных условиях для защиты владений своих членов. Но, как бы то ни было, крестьян нельзя было лишить собственности.

Во-вторых, вследствие этой собственности непосредственных производителей, члены класса эксплуататоров (там, где он существовал) обязаны были воспроизводить себя, присваивая часть произведенного крестьянами продукта при помощи внеэкономического принуждения. Поскольку крестьяне были экономически независимы благодаря своей собственности на жизненные средства, собственность эксплуататоров на другие средства производства, прежде всего на землю, сама по себе не позволяла им реализовывать часть крестьянской продукции. Не было ни одного класса экономических участников, лишённого своих средств воспроизводства и потому вынужденного для поддержания своего существования обрабатывать землю землевладельца в качестве арендатора или работать на его землях в качестве наемного работника. *Отдельные землевладельцы, как правило, не считали, что экспроприация своих собственных крестьян отвечала их личным интересам.* Но даже если землевладельцы желали экспроприровать своих крестьян, как правило, они не в состоянии были этого сделать из-за крестьянских общин, стоявших на страже крестьянских земель.

Из-за соединения непосредственных производителей со своими средствами воспроизводства господ (как мы будем называть всех докапиталистических эксплуататоров, живших за счет внеэкономического принуждения) могли становиться и оставаться эксплуататорами только при условии своей политической организации в обладающие самосознанием группы или сообщества, способные навязывать и поддерживать благодаря своей организации и ресурсам институционализированные отношения со своими крестьянами, которые позволяли им присваивать силой часть крестьянской продукции. В одних случаях такая господская политическая организация позволяла отдельным своим членам жить за счет прямого и индивидуального присвоения крестьянской продукции. В таких случаях отдельные господа могли присваивать продукт напрямую от каждого отдельного крестьянина или от общины производителей в целом (тогда община отвечала за сбор ренты с каждого из своих членов). В других случаях объединение господ применяло силу коллективно и присваивало продукт не напрямую. Они получали свой доход благодаря тому, что занимали должность, которая давала им часть налогов, взимаемых с непосредственных производителей объединением господ. В этом случае, опять-таки, объединение господ может взимать этот налог либо с каждого отдельного крестьянина, либо со всей общины (которая собирает налог с каждого своего члена). Но, независимо от конкретной формы налога, применение внеэкономического принуждения оказывается необходимым для их утверждения и воспроизводства в качестве эксплуататорского класса, и они принимают участие в институционализированных структурах, для членства в которых необходимо применение насилия и изъятие излишков.

В результате преобладания докапиталистических отношений собственности и все то время, пока они преобладали, ни одно докапиталистическое общество не могло достичь довременного роста и долгое время подчинялось жестким ограничениям, накладываемым на совокупный рост производства на душу населения. Причина этого заключалась в том, что при докапиталистических отношениях собственности, характеризующихся, в различных формах, крестьянской собственностью на средства производства и присвоением излишков господами при помощи внеэкономического принуждения, и крестьяне, и господа считали рациональным принимать формы экономической деятельности, правила воспроизводства, которые вступали в глубокое противоречие с требованиями развития экономики в целом. Чтобы показать, почему это было так, я рассмотрю установление и общую экономическую эволюцию классического случая экономики, структурированной особой формой докапиталистических отношений собственности, европейского феодализма. Это объяснение экономического развития феодальной экономики средневековой Европы может служить общим объяснением того, почему докапиталистические формы собственности, однажды установившись, мешают экономическому развитию и препятствуют прорыву к современному экономическому росту. Оно также послужит концептуальной и исторической отправной точкой для рассмотрения вопроса об отсутствии экономического развития в Восточной Европе и, по сути, в большей части Западной Европы в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

ФЕОДАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КАК ПРОДУКТ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

Происхождение и устройство феодальных отношений собственности. Первоначально феодализм сформировался в начале XI века на развалинах Каролингской империи во многих частях Западной Европы, включая значительную часть Франции, северную Италию и западную Германию. Феодальное правление установилось благодаря формированию крайне локализованных господских политических групп, первоначально организованных вокруг замка и возглавляемых его хозяином. Власть хозяина замка основывалась на его вооруженных сторонниках. Рыцари имели военную подготовку, носили доспехи и ездили на лошадях, нередко жили в замке и, примерно со второй трети XI века, стремились связать себя с его хозяином вассальными обязательствами. Гегемония хозяина замка проявлялась в его способности осуществлять право запрета над своими землями, внешние границы которых обычно не простирались дальше чем на полдня езды от центральной крепости. Феодальные права, которые традиционно находились в руках средневековых королей и были прямым выражением их власти, позволяли хозяину замка получать подати от крестьянских хозяйств в его юрисдикции, а также творить суд и хранить мир. Хотя более слабые господа обычно были связаны с хозяином замка, в некоторых случаях они сохраняли свою полную

независимость, причем не только в сборе феодальной ренты со своих держателей, но и в установлении налогов и осуществлении суда в своих манориальных миниюрисдикциях. Во всяком случае все эти господа подтверждали свое членство в господствующем классе свободой от уплаты налогов: свобода при феодализме принимала форму привилегии. Несвобода крестьян в некоторых случаях определялась формальной коммендацией их предков своему господину, то есть подчинение его господству взамен на защиту. Но с оформлением феодального господства она просто выражалась в присвоении господами права взимать с них плату за защиту. Несвобода крестьян, таким образом, определялась тем и заключалась в том, что они подвергались произвольным поборам³.

Феодальная экономика структурировалась, с одной стороны, формой докапиталистических отношений собственности, в которых отдельные крестьянские семьи, как члены сельской общины, *индивидуально владели* своими средствами воспроизводства. В этом было ее отличие от других форм докапиталистических отношений собственности, в которых собственником была сама сельская община. С другой стороны, при феодализме отдельные господа воспроизводили себя индивидуально, присваивая часть крестьянской продукции с опорой на локализованные объединения господ, связанные различными политическими узами, обычно вассалитета. В этом состоит отличие от других докапиталистических систем собственности, в которых объединение или объединения господ коллективно присваивали себе крестьянскую продукцию (в виде налога) и делили полученное между членами объединения.

От феодальных отношений собственности к феодальным правилам воспроизводства. Устроенная таким образом основополагающая социально-политическая структура определяла экономическую эволюцию феодализма, устанавливая ограничения, при которых господа и крестьяне выбирали формы экономической деятельности, лучше всего позволяющей им поддерживать или улучшать свое положение.

Первое и, возможно, самое фундаментальное, поскольку и господа, и крестьяне полностью владели всем необходимым для сохранения себя в качестве господ и крестьян, они были свободны от необходимости покупать на рынке то, что им было необходимо для воспроизводства, и потому они были свободны от необходимости продавать на рынке свою продукцию на конкурентных условиях. Следовательно, ни господа, ни крестьяне не были обязаны производить так, чтобы максимизировать свою доходность. Следовательно, они были свободны от необходимости сокращать издержки для сохранения своего существования и от необходимости постоянно совершенствовать производство при помощи специализации, накоп-

3. Дюби Ж. *Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом*. М.: Языки русской культуры, 2000; Georges Duby, *The Early Growth of the European Economy*. Ithaca: Cornell University Press, 1974.

ления или инноваций. Феодалные отношения собственности сами по себе не могли навязать непосредственным производителям этого неослабевающего стремления к повышению эффективности ради выживания, которое, как было отмечено выше, является отличительной чертой современного экономического роста и требует экономических участников при капиталистических отношениях собственности.

В отсутствие необходимости производить для максимизации меновой стоимости и с учетом неразвитости экономики в целом, крестьяне склонны были считать наиболее разумным такое использование своих ресурсов, которое гарантировало их выживание, производя напрямую весь спектр необходимых вещей, то есть жизненные средства. Учитывая преобладавший тогда низкий уровень производительности в сельском хозяйстве, ситуация с урожаями и, следовательно, обеспечением продовольствием была неопределенной. Поскольку продовольствие составляло значительную часть всего потребления, отсутствие определенности на продовольственном рынке создавало неопределенность и на рынках других коммерческих зерновых. Поэтому крестьянам разумно было избегать рисков, связанных с зависимостью от рынка, и для этого они должны были прибегать к диверсификации, а не специализации, продавая на рынке только излишки. На самом деле помимо заботы о минимизации риска лишиться своих средств к существованию, крестьяне, судя по всему, считали желательным иметь диверсифицированное производство просто потому, что они хотели сохранить свой сложившийся образ жизни и в особенности избежать подчинения рынку, к которому неизбежно вело производство для обмена.

Чтобы сделать дальнейшее производство жизненных средств возможным, крестьяне, естественно, стремились сохранить свои наделы как основу своего существования. Чтобы гарантировать дальнейшее существование своих семей в будущем, они также стремятся оставить своим детям в наследство свои владения. Они также считали рациональным иметь как можно больше детей для обеспечения себе достаточной поддержки в старости. В результате складывались довольно крупные семьи, а при наследовании производился раздел участков.

Подобно крестьянам, господа занимали «патриархальное» положение, владея всем, что им было нужно для выживания, и потому были свободны от всякой необходимости повышать свою производительность. Кроме того, даже если господа по каким-то причинам желали повысить производительность своих имений, они сталкивались с почти непреодолимыми трудностями из-за средств повышения производительности своей рабочей силы и своей земли. Так, если господа хотели организовать производство самостоятельно, они вынуждены были опираться на труд своих крестьян, которые владели своими жизненными средствами. Поскольку крестьяне были собственниками, господа могли заставить их работать только путем прямого принуждения — взимая свою феодалную ренту в отработочной форме. Но именно потому, что крестьяне имели свои наделы, господа не могли их «уволить» и потому были лишены, пожалуй, самых эффективных средств поддержания

трудоу дисциплины в классовых обществах. Поскольку у крестьян не было экономических стимулов для усердного или эффективного труда на господ, господам было крайне сложно заставить их эффективно использовать передовые средства производства. Они могли принудить их к этому только благодаря затратным и непроизводительным вложениям в надзор.

Принимая во внимание ограниченную способность и господ, и крестьян эффективно вкладывать инвестиционные средства в совершенствование средств производства для повышения эффективности сельского хозяйства, и господа, и крестьяне приходили к выводу, что единственным по-настоящему эффективным способом увеличения своего дохода было открытие новых земель. Колонизация, которая вела к увеличению числа производственных единиц, была предпочтительной формой производительных инвестиций как для господ, так и для крестьян при феодализме.

Помимо колонизации и приобретения земель, феодальные экономические участники, прежде всего феодальные господа, обнаружили, что наилучшим способом увеличения своего дохода было насильственное перераспределение богатства от крестьян или других господ. Это означало, что им следовало использовать свои ресурсы (излишки) для создания своих средств принуждения, вкладываясь в артиллерию и военных, особенно в совершенствование своей способности вести войны. Стремление к политическому накоплению или строительству государства было феодальным аналогом капиталистического стремления к накоплению капитала⁴.

От феодальных правил воспроизводства к феодальным законам развития. Феодальные отношения собственности, однажды установившись, обязывали господ и крестьян принимать особые правила воспроизводства в качестве наиболее важных форм экономического поведения. Крестьяне стремились воспроизводить жизненные средства, владеть своими наделами, создавать большие семьи и обеспечивать последующие поколения своих семей, завещая свои наделы. И господа, и крестьяне стремились использовать доступные излишки для открытия новых земель. Господа направляли свои ресурсы для увеличения объема все более мощных и совершенных средств принуждения. Распространенные по всему обществу, эти формы индивидуальной экономической деятельности определяли последующие формы или законы развития феодальной экономики в целом.

Падение производительности в сельском хозяйстве. Общая тенденция к принятию производства жизненных средств в качестве правила воспроизводства со стороны крестьянства естественным образом представляла серьезное препятствие для коммерческой специализации в сельском хозяйстве и появления конкурентного давления, которое толкает вперед современ-

4. См. рассмотрение правил воспроизводства господ и крестьян при феодализме: Robert Brenner, «The Agrarian Roots of European Capitalism», *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-industrial Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, p. 262, 306–311, 319–323.

ную экономику. Она также служила серьезным препятствием для совершенствования сельского хозяйства со стороны крестьян, поскольку для принятия почти всех тех технических усовершенствований, которые составили «новое земледелие» или сельскохозяйственную революцию (кормовые культуры, плодопереманное земледелие и так далее). Кроме того, производство, нацеленное на создание жизненных средств, и сохранение надела в качестве основы существования семьи представляло серьезное препятствие для богатых крестьян и господ, которые хотели увеличить объемы земель или привлечь наемных работников, поскольку крестьяне не собирались расставаться со своими наделами, служившими непосредственной основой их существования, если их к этому не принуждали; и нельзя было ожидать, что они станут работать за зарплату, если они не станут в ней нуждаться.

Любому стремлению к накоплению земли и труда также мешала склонность имущих крестьян создавать крупные семьи и делить свои наделы между своими детьми. Парцелляция крестьянских наделов с ростом населения подавляла всякую тенденцию к созданию крупных землевладений в сельском хозяйстве в целом, еще больше снижая потенциал для совершенствования сельского хозяйства.

Наконец, индивидуальные крестьянские наделы чаще всего были интегрированы в деревенское хозяйство, которое в важных отношениях контролировалось земледельческой общиной. Деревня регулировала использование пастбищ, на которых растился скот, и ротацию севооборота на общинных полях. Индивидуальные крестьяне, таким образом, имели дело с серьезными ограничениями своей способности решать, каким образом им использовать свои наделы, и зачастую своей способности специализироваться, создавать более крупные наделы и так далее.

В той степени, в которой господам удавалось увеличить свое богатство за счет улучшения своей способности к принудительному перераспределению дохода от крестьян, они еще больше ограничивали способность сельского хозяйства к совершенствованию. Увеличение ренты, независимо от формы, снижало способность крестьян инвестировать в средства производства. Между тем вкладывание господами своего дохода в своих военных сторонников и амуницию и в потребление предметов роскоши гарантировало непроизводительное использование социальных излишков, по сути, их простую растрату. Насколько господа увеличивали свой доход, настолько же — в большей или меньшей степени — подрывалось сельское хозяйство⁵.

Рост населения. Долгосрочная тенденция к падению производительности сельского хозяйства, определявшаяся феодальной структурой собственности, на деле возникла вследствие роста населения. Владение крестьян землей позволяло детям унаследовать наделы и на этой основе создавать семьи

5. О падении производительности средневекового европейского сельского хозяйства см.: Guy Bois, *La crise du féodalisme*. Paris: Fondation nationale des sciences politiques, 1976; M. M. Postan, «Medieval Agrarian Society in its Prime: England», in Postan, ed., *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 1. *The Agrarian Life of the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.

в сравнительно раннем возрасте. Супружеские пары, как уже было отмечено ранее, имели стимул рожать много детей. В результате во всей феодальной экономике Европы с начала XII века наблюдалась заметная тенденция к росту численности населения, которая почти везде привела к удвоению его численности за последующие два столетия⁶.

Колонизация. Единственным значимым методом, позволившим феодальной экономике достичь реального роста — и противостоять тенденции к падению производительности в сельском хозяйстве, — было открытие новых земель для возделывания. И экономическое развитие в феодальной Европе можно понимать на одном уровне с точки зрения знакомой гонки между ростом области заселения и ростом численности населения. В XII–XIII веках феодальная Европа была сценой огромного колониционного переселения по мере того, как поселенцы двигались к востоку через Эльбу и к югу в Испанию, а также отвоевывали части Северного моря в том, что стало известно как Нидерланды. Открытие новых земель в течение какого-то времени препятствовало и сдерживало падение сельскохозяйственной производительности. Тем не менее со временем — по мере продолжения роста, введения в оборот менее плодородных земель и повышения отношения количества земли на человека — рента увеличивалась, цены на продукты питания росли, а условия торговли все больше благоприятствовали сельскохозяйственной, а не промышленной продукции. В разные моменты в XIII–начале XIV веков по всей Европе население и производство, по-видимому, достигли своих верхних пределов, после чего начался процесс мальтузианской демографической «коррекции»⁷.

Политическое накопление или государственное строительство. Принимая во внимание ограниченный потенциал для развития сельскохозяйственных производительных сил и ограниченное предложение пригодных для возделывания земель, господский класс, как уже говорилось ранее, склонен был считать лучшим способом увеличения богатства создание средств насилия для перераспределения дохода⁸. И господа считали себя более или менее обязанными пытаться увеличить свой доход для того, чтобы финансировать наращивание своей способности осуществлять военно-политическую власть. Это происходило, во-первых, потому что им сложно было избежать военно-политического конфликта или соперничества, которое было неизбежным следствием прямого владения индивидуальными господ средствами насилия (необходимое условие принадлежности к правящему классу) и широкого распространения средств принуждения в обществе; а во-вторых, потому что они должны были противостоять все более хорошо организованным крестьянским общинам и, по мере географического распространения феодального общества, бороться с последствиями возрастающей мобильности крестьян.

6. Bois, *Crise du féodalisme*, p. 331; Postan, «Medieval Agrarian Society»; Emmanuel Le Roy Ladurie, *Les Paysans du Languedoc*, 2 vols. Paris: S. E. v. P. E. N., 1966.

7. Postan, «Medieval Agrarian Society».

8. Perry Anderson, *Lineages of the Absolutist State*. London: NLB, 1974.

В первом случае, конечно, военно-политическая эффективность требовала сбора и организации сторонников. Но для завоевания и сохранения лояльности своих сторонников господа должны были кормить и экипировать, а в долгосрочной перспективе еще и должным образом вознаграждать их. Как минимум, хозяйство господина должно было стать отражением богатства, показательного потребления и дарения даров — оно не должно было быть хуже, чем у других господ. Но, помимо этого, оно должно было давать сторонникам средства для достижения или поддержания своего статуса в качестве членов господствующего класса, то есть постоянный источник дохода, требующий пожалования земли с соответствующими господскими прерогативами (обычно лен). Но, естественно, такие пожалования вели к увеличению независимости сторонников от господ, повышая потенциал дезорганизации, раздробленности и анархии. Это было вечной проблемой во всех формах патримониального правления и с самого начала служило главной причиной всех феодальных усобиц. Кроме того, тенденция к раздробленности усиливалась в результате необходимости деления господской власти и земель между детьми. Феодальную эволюцию во многом можно рассматривать как результат господских усилий по противодействию раздробленности и созданию более прочных связей между господами, препятствующих военно-политическому соперничеству между ними. Короче говоря, это означало не только разработку лучших вооружений или более совершенной военной организации, но также создание более крупных и более сложных политических институтов, и, естественно, это вело к усилению военных и потреблению предметов роскоши.

На самом деле для достижения более эффективной политической организации господским группам нужно было произвести политическую инновацию. Вообще говоря, формирование вооруженных групп вокруг предводителя для внешней войны, особенно завоеваний, чаще всего служило исходной основой для сплоченности между господами. Это служило основой для развития более эффективного сотрудничества в группе господ для защиты собственности друг друга и осуществления контроля над крестьянством. В качестве следующего шага в этом направлении, главный господин мог закрепить за собой право решающего голоса в спорах между его вассалами (как в Северной Англии). Затем верховный господин мог продолжить феодальную централизацию, установив непосредственные отношения с вассалами своих вассалов. Это происходило путем установления прямых уз зависимости с этими вассалами вассалов (опять-таки, как в XI веке в Англии). Этот процесс завершился распространением центральной юрисдикции на все более широкие слои господского класса и на все свободное население в целом. Иногда расширение центральной юрисдикции производилось при более или менее широком содействии аристократии (как в XII веке в Англии). В других случаях он завершался в ходе более конфликтных процессов, в ходе которых верховный господин (монарх, государь) принимал жалобы, минуя своих вассалов, из их судов (как в средневековой Франции). В конце концов феодальное государство могло усилиться только за счет налогов, а это почти всегда требовало создания представительных собраний господского класса.

Это не значит, что всегда требовался высокий уровень господской организации. И это не значит, что государственное строительство происходило автоматически или было универсальным. На границах европейского феодального общества, на юге и на востоке, колонизация долгое время оставалась самым простым решением, а внутренняя потребность в повышении самоорганизации господского класса была сравнительно невелика. В то же самое время потребность в создании более сильных феодальных государств не всегда означает возможность их успешного создания. Суть в том, что в той степени, в какой дезорганизация и соперничество преобладают внутри и между группами феодальных господ, они оказываются гораздо более уязвимыми не только перед внешним разграблением, но и перед эрозией самого своего господства над крестьянами. Короче говоря, экономический успех отдельных господ или их групп, по-видимому, зависел от успешного строительства феодальных государств, и долгосрочной тенденцией в Европе — в XI–XVII веках — было создание еще более сильных и сложных феодальных государств.

Торговля, города и феодальный кризис. Растущий спрос среди господского класса на вооружения и предметы роскоши (особенно ткани), требовавший участия в междоусобном военно-политическом соперничестве, подстегивал рост торговли в феодальной Европе. Рост торговли сделал возможным рост оборота взаимозависимых производств, в которых товары, изготавливаемые ремесленниками в городах, обменивались на необходимые продукты и сырье, производимые крестьянами и присваиваемые господами, которые продавали их торговым посредникам. В XI–XII веках во Фландрии и северной Италии появились крупные города, способные удовлетворить спрос в тканях и вооружениях господских классов всей Европы.

В первом случае рост этого общественного разделения труда в феодальном обществе был выгоден господам, так как он сокращал издержки за счет специализации, делая предметы роскоши относительно более дешевыми. Тем не менее в долгосрочной перспективе это означало растущую диспропорцию между производительным и непроизводительным трудом в экономике в целом, поскольку лишь малая часть произведенного в растущих городских центрах приходилась на производство средств производства или жизненных средств непосредственных крестьянских производителей, тогда как большая часть приходилась на военные разрушения и показательные траты. Со временем развитие все более сложных политических структур и создание передовых вооружений означало рост издержек и увеличение непроизводительных расходов. Когда же сельское хозяйство достигло своих пределов, давление на него городского общества существенно возросло, что привело к подрыву его основ.

Поскольку рост господского потребления происходил в ответ на соперничество между феодалами в эпоху все более сильных феодальных государств, господа могли не заботиться о его влиянии на основополагающую сельскохозяйственную производственную структуру. При прочих равных, рост населения, опережавший рост пищевых ресурсов, требовал мальтузианской «коррекции», и на большей части Европы в начале XIV века имели место голод

и демографический спад. Тем не менее, хотя сокращение численности населения означало меньшее количество ртов, которое нужно было накормить при помощи имеющихся ресурсов, оно также означало сокращение количества крестьян, плативших ренту, и, следовательно, меньшую прибыль для господ. Падение доходов побуждало господ предъявлять все большие требования к своим крестьянам, а также совершать вооруженные нападения друг на друга. Крестьянам приходилось платить все большую ренту, а начало усобиц в тот самый момент, когда их способность отвечать на них была самой слабой, еще больше подрывало их способность производить и кормить себя. Дальнейшее сокращение численности населения вызвало дальнейшее сокращение доходов, что привело к увеличению давления господ, а это, в свою очередь, усилило спад, который во многих местах продолжался более века. Кризис доходов господ и последующая феодальная реакция, таким образом, помешали нормальному мальтузианскому возвращению к равновесию. Европейское сельское хозяйство охватил общий социально-экономический кризис, продукт феодальной классовой / политической системы, а не просто мальтузианский спад, который продлился до середины XIV века⁹.

В долгосрочной перспективе феодальный кризис привел к своему собственному решению. С сокращением численности населения, крестьяне возвращались к возделыванию лучших земель, увеличивая душевое производство и располагаемые излишки. Между тем гражданские и внешние войны пошли на спад, что, вероятно, отражало ослабление господского класса; и, соответственно, давление правящего класса на крестьян снизилось, особенно если учесть, что крестьяне имели теперь гораздо лучшие возможности для того, чтобы платить ренту. В результате наступил новый период роста населения и расширения возделываемых земель, роста европейской торговли, производства и городов и, в конце концов, знакомому опережению роста производства населением. Таким образом, к XVII веку значительная часть Европы погрузилась в кризис, во многом напомилавший тот, что разразился в ней в эпоху позднего Средневековья. На большей части европейской территории сохранялись прежние феодальные отношения собственности, определявшие повторение сложившихся форм отсутствия развития в феодальной экономике.

ИНОЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ? КРИТИКА СМИТОВСКОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ

Главный вывод из проведенного выше анализа заключается в том, что до тех пор, пока сохраняются феодальные отношения собственности или докапиталистические отношения в целом, мы можем ожидать повторения одних и тех же долгосрочных экономических закономерностей. Пока существовали феодальные отношения собственности, господа и крестьяне могли считать рациональным принятие одних и тех же правил воспроизводства: следовательно, можно было ожидать одних и тех же долгосрочных цикличе-

9. Bois, *Crise du feodalisme*, p. 267–273.

ских тенденций к падению производительности сельского хозяйства, росту населения и открытию новых земель, завершавшихся мальтузианской «коррекцией»; и в то же самое время они сочетались с продолжением вековой тенденции к господскому строительству государства и росту непроизводительных расходов. Вообще говоря, до тех пор, пока сохранялись докапиталистические отношения собственности, ни о каком появлении долгосрочного современного экономического роста не могло быть и речи. Исходя из этого, логично сделать вывод, что экономическое развитие могло начаться только после трансформации докапиталистических отношений собственности в капиталистические отношения собственности, поэтому фундаментальный вопрос теории экономического развития заключается в том, каким образом такой переход стал возможен. Именно к этой проблеме мы и обратимся в нашем заключительном разделе, сравнив экономическую эволюцию Восточной и Западной Европы.

Начиная с самого Адама Смита, длинная череда любящих историю теоретиков игнорировала или явно преуменьшала проблему трансформации отношений собственности и общественных отношений в поиске объяснения экономического развития. В частности, они исходили из того, что рост торговли — феномен, широко, если не повсеместно, распространенный в человеческих обществах, — систематически ведет докапиталистических экономических участников к принятию капиталистических мотиваций или целей, к принятию капиталистических правил воспроизводства и в конечном итоге к трансформации докапиталистических отношений собственности. Нет никаких сомнений в том, что, поскольку Адам Смит и его последователи считали, что рост торговли сам по себе рано или поздно должен был создать необходимые условия для современного экономического роста, их не слишком заботили эти условия или они не считали их появление проблемой, требовавшей решения¹⁰.

Так, Смит и его многочисленные последователи предлагали анализ, развивавшийся примерно одинаково. Сначала торговцы со своим торговым капиталом предлагали прежде недоступные товары экономикам, которые до тех пор состояли из самодостаточных экономических участников. Это считалось более или менее эпохальным историческим событием, первоначальным появлением торговли. Затем сама возможность покупки этих товаров побуждала отдельных экономических участников отказываться от производства жизненных средств как правила экономического воспроизводства и принимать экономическую стратегию зачаточных капиталистов, а именно — производство для обмена с тем, чтобы максимизировать прибыль, сократив издержки. Потом, поскольку докапиталистические отношения собственности, отмеченные собственностью на средства к существованию непосредственных производителей и изъятием эксплуататорами этих

10. Смит, *Богатство народов*, кн. 3. См. также: Robert Brenner, «Marx's First Model of the Transition to Capitalism», in Bernard Chavance, ed., *Marx en perspective*. Paris: Ecoles des hautes etudes en sciences sociales, 1985.

излишков при помощи средств внеэкономического принуждения, не позволяют индивидуальным экономическим участникам наиболее эффективно использовать свои ресурсы для максимизации меновой стоимости, индивидуальные экономические участники, как производители, так и эксплуататоры, постепенно переходят к трансформации этих отношений собственности в направлении капиталистических отношений собственности. На этой трансформированной основе они могут наиболее эффективно проводить в жизнь свое стремление к сокращению издержек путем специализации, накопления и инноваций.

Вышеизложенные рассуждения тех, кого мы можем назвать «последователями смитовского похода к истории», призваны, таким образом, явно или неявно показать, каким образом появление обмена создает условия, при которых преследование собственных интересов рациональными экономическими участниками приведет к современному экономическому росту. Это игнорирует докапиталистические отношения собственности, особенно то, что эти отношения, однажды установившись, определяют, что именно является рациональным для индивидуальных экономических участников.

Конечно, торговый капитал действительно появляется в первоначальной форме «абстрактного богатства» и, как таковой, служит предпосылкой для экономического развития. Более того, торговцы, как правило, последовательно стремятся к максимизации выгоды. Поэтому если они хотят поддержать себя как торговцев, у них нет иного выбора, кроме как попытаться использовать свой торговый капитал для того, чтобы покупать дешево, а продавать дорого на рынке для извлечения выгоды. Тем не менее остается вопрос: может ли торговый капитал сам по себе побудить докапиталистических экономических участников принять капиталистические правила воспроизводства?

Во-первых, несмотря на наличие у них денег и товаров, торговцы не могут гарантировать того, что докапиталистические экономические участники станут выводить на рынок производимые ими товары. Торговцы могут перевозить товары из одной части света в другую, из одного региона в другой, но простое предложение этих товаров не обязательно требует появления на рынке товаров для обмена. При докапиталистических отношениях собственности и господа, и крестьяне имеют все необходимое для того, чтобы поддерживать свое существование. Возможность приобретения новых благ вполне может позволить некоторым докапиталистическим экономическим участникам увеличить или обогатить свое потребление, но возросший потенциал для обмена не может определить того, что обмен вырастет¹¹.

Во-вторых, даже там, где появление новых товаров побуждало господ и крестьян пытаться повысить ориентацию своего производства на обмен, этот процесс оказывался жестко ограниченным излишками по отношению к жизненным средствам. Пока не доказано обратное, вполне можно ожидать, по причинам, изложенным ранее, что они могут непосредственно осуще-

11. Люксембург Р. *Накопление капитала*. М.-Л.: соцэкгиз, 1934.

ствлять диверсифицированное производство, необходимое для удовлетворения их основных экономических потребностей, прежде чем вкладывать средства в коммерциализированное производство. Иными словами, только то, что можно назвать излишними ресурсами, направлялось на коммерциализированное производство. Массы же рабочей силы и земли, производящие для удовлетворения непосредственных нужд воспроизводства, оставались за пределами сферы товарного производства. Несмотря на торговлю, эти факторы производства оставались во многом невосприимчивыми к тенденциям к специализации, накоплению и инновациям, которые способствовали экономическому развитию.

С другой стороны, действительно, в этой ситуации возможно существование «излишнего» коммерциализированного сектора наряду с сектором, производящим жизненные средства, и зачаточным разделением труда и различными производителями или регионами, продающими специализированные продукты друг другу. И все же не следует забывать, что ни господа, ни крестьяне не были экономически зависимыми от этого коммерциализированного производства. В результате ни эксплуататоры, ни производители не должны были рассматривать ресурсы этого сектора в соответствии с капиталистическими правилами воспроизводства (максимизация соотношения цены и затрат и т.д.). Следовательно, степень, в которой даже коммерциализированный сектор разделяет современные тенденции развития к систематической и все большей специализации, накоплению и инновациям, вероятно всего, будет резко ограничен.

В-третьих, даже в той степени, в какой отдельные господа и крестьяне или сами торговцы в ответ на открытые рынком возможности стремились к максимальной специализации, накоплению и инновациям в указанном «излишнем» коммерциализированном секторе, они сталкивались, как уже отмечалось, с серьезными препятствиями, которые возникали вследствие того, что экономика в целом оставалась структурированной докапиталистическими отношениями собственности. Именно из-за преобладания отношений собственности, при которых экономические участники владели своими средствами воспроизводства, тем, кто стремился создать накопления, трудно или невозможно было получить рабочую силу и, возможно, даже землю, необходимую для совместного и масштабного производства и других улучшений. Дело в том, что другие господа и крестьяне по-прежнему обладали землей и рабочей силой, составлявшей непосредственную основу их существования. Более того, даже в той степени, в какой всякий данный докапиталистический эксплуататор находит себе непосредственных производителей (как при феодализме или патриархальном рабстве), ему окажется непросто эффективно использовать этот труд для совершенствования производства посредством освоения новых, более эффективных орудий труда и технологий, учитывая названные мною проблемы, касающиеся прививания дисциплины работника, «слитым» со своими средствами к существованию.

Вышеизложенные соображения вновь подводят к выводу, что до тех пор, пока сохраняются докапиталистические отношения, самой по себе торгов-

ли недостаточно для того, чтобы запустить процесс экономического развития. Неявно признавая это, Адам Смит и длинная вереница его последователей, включая таких знаменитостей, как Карл Маркс, Анри Пиренн, Альфонс Допш, Пол Суизи и другие, считали рост обмена средством, которое побуждало индивидуальных докапиталистических участников делать вывод, что в их рациональных личных интересах постепенно избавиться от существующих докапиталистических отношений собственности и установить капиталистические отношения собственности, которые позволяют достигнуть большей производительности и максимизировать меновую стоимость. Таким образом, они считали, что стремление вводить более эффективные техники производства было ответом индивидуальных докапиталистических эксплуататоров на новые возможности, возникавшие вместе с ростом торговли. Для этого они освобождались от своих (непроизводительных) военных последователей и огромных военных расходов; они освобождали своих прежде зависимых крестьянских производителей; они лишали этих крестьян земли; и, наконец, они вступали в договорные отношения с этими свободными, безземельными крестьянами. Это вело к появлению свободных, неизбежно коммерциализированных (зависимых от рынка) держателей, находивших себе наемных работников. В конечном итоге в экономике в целом устанавливались капиталистические отношения собственности и начиналось экономическое развитие¹².

К сожалению, в этом анализе не учитывается самостоятельная роль докапиталистических отношений собственности. При них отдельный господин вряд ли сочтет, что в его рациональных личных интересах освободить своих крестьян, так как тогда он утратит свою способность эксплуатировать их, изымать часть их продукта или труда и тем самым свою способность получать доход. Дело в том, что, освободившись от внеэкономического принуждения господина, крестьянам не нужно будет платить ему никаких поборов, не говоря уже о том, чтобы заботиться о повышении качества или увеличении количества своей работы на него. Более того, даже если господин сможет одновременно освободить крестьян и лишит их земли, он все равно проиграет в результате превращения своих несвободных крестьянских собственников в свободных арендаторов и наемных работников. У новых безземельных арендаторов или наемных работников не будет никаких причин для того, чтобы оставаться и работать на своего бывшего господина или брать у него в аренду надел. Таким образом, смитовский подход к истории совершает двойную ошибку: во-первых, он игнорирует особую докапиталистическую рациональность и правила воспроизводства, навязанные докапиталистическими отношениями собственности; во-вторых, он рассматривает отношения собственности, характерные для плохо

12. Смит, *Богатство народов*, кн. 3, гл. 4; Paul Sweezy, «Reply to Dobb», in Sweezy, *The Transition from Feudalism to Capitalism*. London: NLB, 1976. Интересную демонстрацию того, что докапиталистические экономические реакции отличались от капиталистических, см.: Witold Kula, *Theorie economique du systeme feudal: pour un modele de l'economie polonaise, 16e-18e siecles*. Paris and The Hague: Mouton, 1970.

определенной хозяйственной единицы, по сути, так, словно они являются всего лишь производительными техниками (инструментами), которые осваиваются или отбрасываются (подобно другим техникам), когда происходит изменение условий, позволяющих получить максимальную прибыль — особенно когда рост обмена открывает новые возможности. Иначе говоря, последователи смитовского подхода к истории в своем объяснении появления капиталистических отношений собственности считают их существование данностью. Они исходят из того, что при наличии торговли индивидуальные (докапиталистические) производительные единицы неизбежно должны принять капиталистические мотивации и капиталистические правила воспроизводства, неявно полагая (безо всякого обоснования), что экономика в целом (внутренняя и внешняя по отношению к этим единицам) уже состоит из капиталистических участников, необходимых для полного переустройства их единиц — особенно арендаторов (и работников), отделенных от своих жизненных средств (и средств производства).

Иммануил Валлерстайн предложил крайнюю версию смитовского подхода к истории, который доводит его до его логического завершения, обнажая тем самым все его проблемы¹³. Валлерстайн считает появление торговли средством, которое подтолкнуло экономических участников, особенно господ, к трансформации своих отношений собственности с целью достижения большей эффективности. Но Валлерстайн на этом не останавливается. Он открыто рассматривает экономических участников, связанных друг с другом разделением труда, основанным на торговле, *и просто в силу их участия в этом разделении труда, основанном на торговле*, как капиталистов — не только обладающих мотивацией для максимизации прибыли, но и подчиняющихся конкурентным ограничениям. Кроме того, Валлерстайн считает различные системы «управления рабочей силой и вознаграждения за труд» всего лишь множеством капиталистических методов для максимизации прибыли, осваиваемых или отвергаемых индивидуальными экономическими участниками в своих хозяйственных единицах, исходя из оценки их эффективности, то есть их прибыльности, для различных направлений производства в различных регионах. Поэтому для Валлерстайна наемный труд — это просто лучшее средство организации центрального капиталистического промышленного производства, а принудительный оброк (то есть крепостной труд) — это лучшее средство для организации периферийного капиталистического сельскохозяйственного производства. В ультрасмитовском ключе Валлерстайн открыто рассматривает отношения собственности так, словно они являются всего лишь техниками, осваиваемыми и устанавливаемыми внутри отдельных, уже капиталистических хозяйственных единиц, нацеленных на получение прибыли.

Представление Валлерстайна о том, что при наличии торговли докапиталистические отношения собственности неизбежно распадаются, просто

13. Immanuel Wallerstein, *The Modern World-System*, vol. 1: *Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press, 1975.

недоказуемо. Во-первых, как патриархальные производители, владеющие своими средствами воспроизводства, докапиталистические господа, вопреки утверждениям Валлерстайна, вряд ли ответят на рыночные возможности так, как если бы они стремились к максимизации меновой стоимости, так как для того, чтобы продолжать свое существование, им незачем заниматься конкурентным производством. Во-вторых, ни один господин, желающий увеличить свое производство для использования рыночных возможностей, не станет делать этого, трансформируя свои индивидуальные хозяйственные единицы в капиталистическом ключе, как, по мнению Валлерстайна, это должно быть сделано, независимо от типа производства или региона. Ведь, как уже было отмечено ранее, освобождение крестьян и изъятие у них земель вступит тогда в противоречие с рациональным личным интересом господ. В-третьих, соответственно, там, где господа стремятся увеличить свое производство в ответ на торговлю, они могут прийти к выводу, что в их рациональных личных интересах не трансформировать, а только усилить докапиталистические отношения собственности. Поскольку докапиталистические эксплуататоры узнают, что, с одной стороны, им сложно заставить своих работников эффективно использовать более производительные техники, а с другой стороны, введение капиталистических отношений собственности в собственных хозяйственных единицах оказывается совершенно иррациональным, им остается только действовать в рамках, заданных докапиталистическими отношениями собственности, увеличивая поборы с непосредственных производителей в форме денежного и натурально-го оброка или барщины. И им ничего не остается, кроме как попытаться усилить свою власть над своими крестьянами, совершенствуя средства принуждения и военно-политическую организацию своей господской группы. Необходимо подчеркнуть, что усилия господ в этом деле не всегда обречены на успех, так как крестьяне, скорее всего, окажут сопротивление, возможно даже успешное. Но это наиболее перспективный путь для господ¹⁴.

Наконец, необходимо отметить, что теми продуктами на рынке, которые, скорее всего, будут стимулировать эксплуататоров использовать свой доход в целях торговли, будут товары, которые «отвечают» специфическим нуждам их собственного производства. Это не средства производства, а, напротив, средства потребления — в особенности продукция, полезная для увеличения политической и военной мощи эксплуататоров. Это, конечно, не предметы роскоши в привычном понимании излишеств, поскольку они действительно необходимы эксплуататорам. Но они были роскошью, поскольку их производство было связано с изъятием средств, которые могли быть использованы для расширения фундаментальной производственной базы экономики.

Парадоксальным образом в той степени, в которой увеличение торговых возможностей само по себе способно повлиять на докапиталистические эко-

14. Robert Brenner, «The Origins of Capitalism: A Critique of NeoSmithian Marxism», *New Left Review*, 104 (1977).

номики, оно приведет не к ослаблению, а к укреплению докапиталистических форм собственности, росту непроизводительных расходов и ускорению не экономического роста, а застоя и упадка.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ ЕВРОПЫ

Сохранение отсталости и прорыв к развитию. Современный экономический рост, по-видимому, требовал разрыва с докапиталистическими отношениями собственности, которые характеризовались наличием у крестьян своих жизненных средств и изъятием излишков господами при помощи внеэкономического принуждения. В этом случае возникает вопрос: каким образом докапиталистические отношения собственности вообще могли трансформироваться?

Этот вопрос встает еще более остро, если вспомнить, как и почему докапиталистические отношения собственности установились и поддерживались: и господа, и крестьяне политически организовывались в сообщества с недвусмысленной целью воспроизводства этих отношений для обеспечения своего собственного воспроизводства. В свете этого фундаментального факта становится трудно понять, зачем объединениям господ или общинам крестьян нужно было пытаться предпринимать действия, которые имели своей сознательной целью трансформацию докапиталистических отношений собственности.

Главной задачей крестьянских общин было, конечно, сохранение средств воспроизводства в руках своих отдельных членов. Поэтому иногда они считали необходимым вступать в конфликт с господами по поводу требований господ или характера господского контроля. Но даже если крестьянам удавалось успешно сопротивляться господам, сокращая до нуля господские поборы и устраняя власть господ, они все еще оставались крестьянской общиной, имеющей полную собственность на свои средства к существованию. Серьезные препятствия для экономического развития, встроены в эти отношения собственности, оставались незатронутыми, и непросто представить условия, при которых общины крестьянских производителей могли намеренно устранить их, разорвав непосредственный, нерыночный доступ своих членов к средствам воспроизводства.

С господами дело обстоит немного сложнее. Принимая во внимание тот факт, что господа воспроизводили себя, утверждая и поддерживая господство своих объединений над непосредственными производителями, не будет преувеличением сказать, что, как правило, если они желали улучшить свое положение, увеличив свой доход и ресурсы, они делали это путем усиления, а не ослабления или трансформации докапиталистических институциональных механизмов, которые позволяли им заниматься поборами с крестьян при помощи средств внеэкономического принуждения.

Можно ли представить условия, при которых господа как класс могли посчитать, что в их рациональных личных интересах перейти не к усилению докапиталистических отношений собственности, а к трансформации их в капиталистическом направлении? Поскольку мы уже видели, что индивидуальные господа не могли считать, что индивидуальное и постепенное освобождение крестьян и лишение их собственности на землю отвечает их рациональным интересам, вопрос сводится к тому, могли ли господа как класс увеличить свой доход благодаря коллективному и одновременному переходу к капиталистическим отношениям собственности во всей экономике. При прочих равных, трудно понять, почему это должно было случиться. Конечно, господа могли посчитать, что в их рациональных личных интересах установить капиталистические отношения собственности, если они могли ожидать, что после перехода они смогут использовать новые отношения собственности для совершения определенных технических изменений (например, для введения форм производства, требующих тесного совместного труда с использованием передовых средств производства) или вообще для извлечения выгоды из системной производительности, к которой могли привести капиталистические отношения собственности. И все же трудно понять, откуда могли появиться такие возможности, если капиталистических отношений собственности еще нигде не существовало и они еще не принесли с собой особых технических достижений и системного роста, показав тем самым, что можно было приобрести благодаря трансформации отношений собственности. Но объяснять экономическое развитие, исходя из существования современного экономического роста, — значит замалчивать фундаментальную проблему: откуда мог взяться современный экономический рост?

Для ответа на этот вопрос в оставшейся части этой статьи я попытаюсь изложить следующую гипотезу, более или менее прямо вытекающую из общей теории, изложенной выше. Если в этот период и были совершены прорывы к современному экономическому росту, их следует считать непреднамеренными следствиями действий отдельных господ и крестьян и сообществ господ и крестьян, стремившихся воспроизводить себя в докапиталистическом ключе. Иными словами, трансформация от докапиталистических к капиталистическим отношениям собственности произошла в результате попыток докапиталистических экономических участников, индивидов и групп, следовать докапиталистическим правилам воспроизводства или воспроизводить докапиталистические формы собственности в условиях, когда такие действия на самом деле вели к подрыву этих отношений.

Для подкрепления этой гипотезы мне нужно будет провести довольно грубый сравнительный анализ отношений собственности, которые возникли и воспроизводились в Северо-Восточной, Юго-Восточной и разных частях Западной Европы в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, и соответствующих форм экономической эволюции. Развитие этих регионов особенно подходит для сравнительного изучения. За исключени-

ем Юго-Восточной Европы, они имели тесно взаимосвязанную аграрную историю, примерно схожие, феодальные и аграрные по своей сути режимы в эпоху Средневековья и даже пришли одному и тому же феодальному кризису в позднем Средневековье. Этот кризис составляет заключительную точку нашего предварительного рассмотрения феодальных отношений собственности, правил воспроизводства и экономической эволюции и вполне может служить отправной точкой нашего сравнительного анализа.

Западная Европа: крестьянская земельная собственность и абсолютистское государство. Феодальные отношения собственности раньше всего установились во Франции и некоторых частях Западной Германии и, естественно, в этих регионах они принимали самые примитивные, децентрализованные формы. Вследствие этого крайне локально организованные феодалы в этих областях были довольно уязвимыми перед сопротивлением со стороны крестьянских общин. В результате длительного процесса борьбы — деревня за деревней — крестьяне в этих областях в XII, XIII и XIV веках обрели значительную степень деревенской автономии и самоуправления и, что, пожалуй, важнее всего, полные права наследования и фиксированные феодальные повинности. Фиксированные повинности, с учетом инфляции, и права на наследование наделов во многих случаях давали французским и немецким крестьянам нечто вроде фактической (если не всегда юридической) собственности на свои земли к концу средневековой эпохи.

Повторяющиеся всплески успешной крестьянской борьбы за феодальную экономику в этих регионах имели далеко идущие последствия. Ослабление феодальных повинностей сделало возможным, прежде всего, рост численности крестьянского населения, которое в этих регионах к XIII веку достигло беспрецедентного уровня плотности. Кроме того, оно предопределило раннее начало кризиса феодальных доходов, проявившегося еще до того, как началось сокращение численности населения¹⁵.

Сложности французских и, судя по всему, западногерманских господ, связанные с получением доходов в классической феодальной, децентрализованной форме в эпоху Средневековья, не могли не сказаться на организации класса господ и в конечном счете на отношениях собственности. С другой стороны, местные господа, страдавшие от сокращения доходов, часто были слишком слабыми для того, чтобы сопротивляться экспансионистским замыслам более влиятельных господ, князей и монархов. С другой стороны, многие из этих самых локальных господ были рады предложить этим монархам и принцам сотрудничество взамен на места в своих складывающихся феодальных государствах. Таким образом, в долгосрочной перспективе феодальные отношения собственности во Франции и значительной

15. Guy Fourquin, *Les campagnes de la region parisienne a la fin du moyen age*. Paris: Presses universitaires de France, 1970, p. 175–179, 151–152; R. Fossier, *La terre et les homes en Picardie jusqu'a la fin du XIII'e siecle*. Paris and Louvain: B. Nouwelaerts, 1968, 2: 555–556, 622–623, 714; Bois, *Crise du feodalisme*.

части Западной Германии были реорганизованы вокруг монархов и князей, которые собирали централизованные налоги и чьи сторонники воспроизводили себя за счет занятия должностей военачальников, судей или правительственных администраторов в складывающихся абсолютистских государствах.

На самом деле к концу длительного периода феодальной экономической экспансии в начале XIV века черты абсолютистского государства во Франции едва наметились и были далеки от полного оформления. Тем не менее во время последующего периода кризиса они пережили значительное развитие. Когда сокращение численности населения еще больше осложнило проблемы с доходами местных господ, монархии удалось построить свою администрацию благодаря экспансионистским военным кампаниям, которые, естественно, привлекали обедневших феодалов, занимавших должности в армии или фискальном аппарате, созданном для финансирования армии. Последующие войны и новые налоги, которыми они сопровождались, имели катастрофические последствия для крестьян и усугубили кризис феодального хозяйства. Но в долгосрочной перспективе сильнее стало не только абсолютистское государство, но и крестьяне. С одной стороны, монархия при помощи своих сторонников на официальных должностях не только была рада помочь крестьянам укрепить свои и без того прочные права собственности по отношению к местным господам, которые конкурировали за излишки, но и в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени юридически закрепило за крестьянами полные права собственности на их наделы. С другой стороны, со временем крестьяне-собственники оказались благодатной почвой для взимания налогов, на которой и расцвело абсолютистское государство¹⁶.

В каком-то смысле кризисы и конфликты средневековой эпохи произвели глубокую трансформацию отношений собственности во Франции и значительной части Западной Германии. Крестьянам в ходе длительного сопротивления удалось установить практически полную собственность на свои наделы. В свою очередь, многие местные господа утратили свою способность поддерживать свое существование в классической феодальной манере принудительного присвоения ренты — на децентрализованной основе — от индивидуальных крестьян. Симптоматично, однако, что господа восстановили свое положение, развив новую форму глубоко докапиталистического воспроизводства: усовершенствовав свою политическую организацию, они увеличили свою способность изымать свой продукт у крестьянства, вводя централизованные поборы и присваивая себе всевозможные поступления за счет собственности на занимаемые ими должности.

Свидетельством того, что феодальные формы собственности, по сути, восстановились, служит тот факт, что Франция и западная Германия в начале Нового времени наблюдали повторение тех же самых закономер-

16. Brenner, «The Agrarian Roots of European Capitalism», p. 253–264, 289–291; Bois, *Crise du féodalisme*, p. 203–204, 254–256, 264, 364.

ностей развития, которые сложились в эпоху Средневековья. Таким образом, начиная со второй половины XV века эти регионы были сценой новой волны роста населения и освоения земель, которая поначалу была даже более динамичной, чем ее средневековая предшественница, поскольку крестьяне — по крайней мере первое время — пользовались большей свободой от господских поборов, чем прежде. Демографический и сельскохозяйственный рост сопровождался общим ростом доходов и новым периодом растущего спроса на потребительские товары и, соответственно, торговлю и города.

Но к концу XVI века рост населения опередил рост производства, и производительность сельского хозяйства упала, о чем свидетельствует знакомая закономерность резкого роста цен на земли и продовольствие по сравнению с ценами на промышленные товары. И вновь простая мальтузианская коррекция в форме сокращения численности населения оказалась особенно значительной вследствие векового роста господского потребления, проявлявшегося в борьбе между теперь уже гораздо более крупными, более централизованными и более эффективными организациями господского класса, то есть господскими государствами. Постоянно растущие господские поборы, особенно в форме государственных налогов, усугублявшиеся тяготами войны, были ударом по крестьянским общинам, все менее способным поддерживать себя из-за того, что рост численности населения опережал рост сельскохозяйственных ресурсов. Результат был предсказуем: демографический спад, которого можно было ожидать в результате простой перенаселенности, оказался еще более жестким; давление господских доходов на крестьян возросло; господские налоги и господские войны, в конце концов, нужно было как-то компенсировать; и в результате наступил «кризис XVII века», во многом напоминавший предыдущий «кризис XIV века»¹⁷.

Короче говоря, несмотря на кризис, классовый конфликт и рост торговли, феодальные господа и крестьяне, действуя индивидуально и коллективно, пришли к созданию новой формы докапиталистических отношений собственности, основанных на крестьянской собственности на землю и теперь уже централизованном господском изъятии излишков путем внеэкономического принуждения. В результате экономические участники — как господа, так и крестьяне — приняли правила воспроизводства, более или менее схожие со средневековыми, в результате чего долгосрочные закономерности развития — циклические и вековые, — знакомые со времен Средневековья, — продолжали действовать вплоть до эпохи раннего Нового времени и далее.

Северо-Восточная Европа: рождение крепостничества. В Северо-Восточной Европе — то есть в Германии к востоку от Эльбы и в Польше — феодальные

17. Emmanuel Le Roy Ladurie, «Les masses profondes: la paysannerie», in Fernand Braudel and Ernest Labrousse, eds., *Historie économique et sociale de la France*, vol. 1, pt. 2. Paris: Presses universitaires de France, 1970–1982, pp. 555–576; Michel Morineau, «La conjuncture ou les grebes de la croissances», in *Historie économique et sociale de la France*, vol. 1, pt. 2, p. 978–980; Brenner, «The Agrarian Roots of European Capitalism», p. 82–83.

отношения собственности развились гораздо позже, чем в Западной Европе, в XII–XIII веках в результате процесса колонизации, значительное влияние — прямое и косвенное — на который оказало западноевропейское феодальное общество. В Германии к востоку от Эльбы феодальные господа, происходившие из Западной Германии и других мест, прямо отвечали за процесс экспансии. Они побуждали крестьян с запада эмигрировать в специально создававшиеся деревни, вводя так называемое германское право, при котором феодальные повинности были ограничены, крестьянские права на собственность и наследство были довольно сильными, а крестьянские свободы и деревенская автономия — весьма широкими. В Польше и других местах колонизация также играла важную роль, поскольку восточноевропейские господа создавали довольно мягкие формы феодализма при германском праве, которые во многом напоминали те, что существовали в Германии к востоку от Эльбы. С появлением новых, менее обременительных феодальных отношений собственности, экономическое развитие в Европе к востоку от Эльбы в XII–XIII веках развивалось так же, как и в феодальной Западной Европе. Переселение, рост населения, освоение новых земель поддерживали длительный этап экспансии, отмеченный ростом производства, феодальных доходов и потребления и появлением торговли и городов¹⁸.

Кризис феодальной экономики позднего Средневековья наступил в Северо-Восточной Европе позднее, чем на Западе, и больно ударил по одним регионам, оставив другие во многом нетронутыми. В Германии к востоку от Эльбы кризис западноевропейской феодальной экономики имел катастрофические последствия, так как из-за него прекратилась иммиграция с Запада. Это, естественно, представляло серьезную угрозу для феодальных доходов, поскольку господа вынуждены были использовать весьма изощренные формы господства, чтобы привлекать крестьян; их рента зависела от роста числа держателей земельных наделов, и потому невозможность и дальше опираться на приток переселенцев стала для них тяжелым ударом. Восточногерманские господа попытались решить свои проблемы с доходами, нападая друг на друга, организуя внешние войны и в конечном итоге усиливая свою власть над крестьянами с тем, чтобы поднять доходы. Не удивительно, что это запустило ту же нисходящую демографически-экономическую спираль кризиса, что и на Западе. Польские господа, наоборот, не страдали от демографических проблем, которые испытывали их восточногерманские соседи, хотя у них также были сложности с получением доходов из-за бегства их арендаторов в города и из-за порчи монеты, которая обесценивала денежный оброк. Польше, по-видимому, удалось избежать кризиса феодальной экономики позднего Средневековья, вероятно, потому, что она не достигла достаточно высо-

18. F. L. Carsten, *The Origins of Prussia*. Oxford: Oxford University Press, 1954, p. 101–102, 114; Marian Malowist, «Problems of the Growth of the National Economy of Central-Eastern Europe in the Later Middle Ages», *Journal of European Economic History* 3 (1974): 322–329; Jacek Kochanowicz, «The Polish Economy and the Evolution of Dependency».

кого уровня населения, чтобы вызвать падение предельной отдачи в сельском хозяйстве¹⁹.

Тем не менее со временем во всей Северо-Восточной Европе установилась одинаковая система отношений собственности. В ответ на сокращение численности населения, расширение возможностей приобретать предметы роскоши и продавать свое зерно на внутреннем и внешних рынках, а также, возможно, из-за порчи монеты, господа во всем регионе резко усилили свой контроль над мобильностью крестьян, урезав крестьянские свободы, увеличив объем повинностей и, в конечном итоге, обратившись к использованию труда закрепощенных крестьян для обработки земель в своих имениях. Остается неясно, как именно северо-восточные господа смогли усилить свое господство над крестьянами в период, когда во всей Западной Европе наблюдалось увеличение крестьянских свобод. Но нет никаких сомнений в том, что крестьяне на Востоке находились в гораздо более худшем положении, чтобы оказывать сопротивление феодальной реакции, нежели крестьяне на Западе, потому что именно господа возглавляли и проводили процесс колонизации, в результате которого произошло заселение Северо-Восточной Европы, тогда как на Западе «первыми пришли» крестьяне. Таким образом, господа имели дело с небольшими, изолированными, рационально расположенными поселениями, которые подчинялись одному господину; колонизация произошла сравнительно поздно, а население было относительно немногочисленным. На Западе, напротив, соперничающим господам часто приходилось делить власть в плотно населенных деревнях, а крестьянам нередко удавалось налаживать отношения с соседними деревнями. Кроме того, к позднему Средневековью западноевропейские крестьяне выработали прочные традиции солидарности и борьбы за права. Эти традиции борьбы во многом были незнакомы на Востоке, где крестьяне сначала были наделены свободами, а затем столкнулись с решительным наступлением на них господ. Господам, в конце концов, удалось укрепить свое господство благодаря достижению беспрецедентного уровня политической организации, проявившегося в создании местных и провинциальных представительных органов, которые обеспечивали необходимую для контроля над крестьянством координацию²⁰.

Установление необычайно жестких феодальных отношений собственности в Северо-Восточной Европе привело к предсказуемой экономической эволюции. Сначала, на протяжении значительной части XVI века, по мере роста численности населения и области заселения, производство росло, доходы господ и крестьян увеличивались, а торговля расширялась. Но в более длительной перспективе сельскохозяйственный рост на основе

19. Carsten, *Origins of Prussia*, chap. 8; M. Biskup, «Polish Research Work on the History of the Teutonic Order State Organization in Prussia», *Acta Poloniae Historica* 2 (1960); Malowist, «Problems of the Growth of the National Economy»; Kochanowicz, «The Polish Economy».

20. Brenner, «The Agrarian Roots of European Capitalism», p. 275–283; Kochanowicz, «The Polish Economy».

увеличения имений и усиления повинностей предлагал лишь самые ограниченные возможности для развития. К 1560–1570-м годам национальное производство Польши, по-видимому, достигло своего предела, и результаты были во многом схожими во всей Северо-Восточной Европе. С этого момента рост господского продукта зависел от принудительных перераспределительных мер и достигался в основном за счет крестьянских наделов, размывая тем самым основные производительные силы системы. Резкое падение производительности положило конец росту населения и знакомым «политическим» мерам. Господские правящие классы увеличили повинности для крестьян, еще больше разрушая их способность к производству, и все больше участвовали в разрушительной борьбе, как внутренней, так и внешней. Результатом был экономический регресс и социальная дезинтеграция, «общий кризис XVII века» в изводе Северо-Восточной Европы²¹.

Юго-Восточная Европа: османское государство. Османское завоевание Юго-Восточной Европы середины XIV–середины XVI веков привело к радикальному переустройству отношений собственности в регионе. Отныне местные аристократии, члены которых сами организовывались в сравнительно слабые и нестабильные государства, по-видимому, должны были воспроизводить себя, принудительно взимая ренту с крестьян на индивидуальной основе. Но с установлением османского режима существовавшие феодальные формы были разрушены, заменены системой, при которой новые правители, организованные в централизованное государство, воспроизводили себя при помощи централизованного обложения крестьян, имевших полную собственность на землю, налогами. Вообще говоря, государство взимало не слишком обременительный и в сущности фиксированный подушный налог, а также налоги на скот плюс чрезвычайные или нерегулярные налоги, которые имели наибольший потенциал для роста в долгосрочной перспективе. Кроме того, государство предоставляла своим *сипахам* (кавалерии) — для «кормления» — права собирать десятину и земельный налог в определенных областях. Но крестьяне сохранили не только полные права собственности на дома и связанные с ними хозяйства, но и получили право бессрочной аренды своих орошаемых земель²².

Замена старых, по сути, феодальных отношений собственности новым фискальным государством определила форму экономической эволюции, которая в важных отношениях была схожей с той, что происходила тогда и в других частях Европы; различия же были связаны в основном с введением централизованной системы изъятия излишков взамен старой децентрализованной. Османское государство создало условия для особенно предприимчивого крестьянства и возглавляемого крестьянами процесса развития,

21. Antoni Maczak, «Export of Grain and the Problem of Distribution of National Income in the Years 1550–1650», *Acta Poloniae Historica* 18 (1968); Jerzy Topolski, «La regression économique en Pologne du XVIIe au XVIIIe siècles», *Acta Poloniae Historica* 7 (1962); Kochanowicz, «The Polish Economy».

22. Anderson, *Lineages of the Absolutist State*.

предоставив беспрецедентные гарантии крестьянского землевладения, снизив поборы и установив мир в деревне, который покончил с вековой междоусобной враждой. С другой стороны, развитие сельского хозяйства при османах страдало от всех уже знакомых нам ограничений — преобладающей ориентации на производство жизненных средств, крайне ограниченных возможностей накопления земли, труда и капитала и регулирования производства сильными деревенскими общинами. Кроме того, экономическому росту в Юго-Восточной Европе мешало также отсутствие земельной аристократии, способной, как на Западе, провести в жизнь масштабные проекты колонизации и освоения земель, на которые у крестьян просто не было средств. Наконец, положение еще больше ухудшилось после того, как османское государство, обосновавшееся в огромной городской конгломерации Константинополя, посчитало необходимым установить жесткий контроль над рынком зерновых, чтобы гарантировать поставки продовольствия и, следовательно, поддержание порядка в городе. Эта командная экономика естественным образом ослабляла и без того ограниченные стимулы для совершенствования производства в целях обмена.

Не удивительно, что первым следствием введения османской системы было высвобождение мощного процесса роста в сельском хозяйстве, особенно в сравнении с поздним Средневековьем, временем, которое было отмечено демографическим спадом. На протяжении большей части XVI века Юго-Восточная Европа была сценой быстрого роста численности населения и динамичной колонизационной деятельности, аналогичной той, что имела место на Западе. Наблюдался даже заметный рост экспорта продовольствия из деревни, причем не только на внутренние, но и на внешние рынки. Но тенденция к росту довольно рано столкнулась с серьезными ограничениями. Крестьяне не имели скота для возделывания более тяжелых почв; у них не было средств, необходимых для создания масштабной системы орошения. Османское государство пыталось осваивать новые земли при помощи своей политики земельных пожалований тем представителям элиты, которые были готовы пойти на значительные расходы, часто требовавшиеся для их освоения. И даже тогда предприниматели, которые участвовали в масштабных проектах, сталкивались с серьезными препятствиями в попытках создать прибыльное коммерческое сельское хозяйство из-за отсутствия доступной рабочей силы (крестьяне по-прежнему продолжали владеть своими средствами воспроизводства).

К последним десятилетиям XVI века в экономике Юго-Восточной Европы начали проявляться симптомы мальтузианского кризиса, наступившего тогда во всей Европе. Рост производства зерна резко замедлился. Рост численности населения достиг потолка. Росли цены на продовольствие, государство вмешивалось в продовольственный рынок с приоритетными закупками по политически установленным ценам.

Тем не менее, как и в Западной Европе, простые процессы мальтузианской коррекции нарушались автономным ростом потребления правящего класса, которое было результатом неизбежных потребностей, возник-

ших вследствие докапиталистических форм политико-военной конкуренции. К концу XVI века старая османская кавалерия в военном отношении устарела. Но новым войскам, набираемым из крестьян, нужно было платить. В конце концов, они просто брали то, что им было нужно, грабя деревню, что самым пагубным образом сказывалось на сельскохозяйственном производстве.

Кроме того, с конца XVI века османское государство участвовало в целом ряде масштабных и крайне разрушительных войн. Их нужно было финансировать, и в результате произошел быстрый рост государственных налогов. Османское государство, которое прежде славилось низкими налогами, перешло к все более обременительным, нерегулярным, чрезвычайным поборам. Положение еще больше усугублялось тем, что в XVII веке длительный процесс османской имперской экспансии в конечном счете достиг своего предела. Государство и его чиновники, которые до тех пор пользовались плодами растущей империи, вынуждены были обратить свое перераспределительное оружие на крестьян, что имело предсказуемо пагубные последствия для сельского хозяйства.

Короче говоря, как и почти во всей остальной Европе, с конца XVI века османский правящий класс предъявлял все больше запросов все менее производительному крестьянству, тем самым еще больше снижая его производительность. Тем не менее, поскольку в османской Европе, как и почти во всех остальных европейских регионах в это время, потребности правящего класса в доходах продолжали расти в ответ на требования «политического накопления», создания все более крупного и сильного государственного аппарата безо всякого учета способности крестьян платить, этот регион, как и почти все остальные регионы Европы, пришел к своей собственной особой версии «общего кризиса XVII века».

Англия эпохи раннего Нового времени: прорыв к развитию. В Англии феодальные формы собственности были установлены несколько позднее, чем во Франции и других частях Западной Европы. Норманнская правящая группа, которая завоевала Англию в XI веке, привела ее к значительно более развитой и сложной форме феодальной политической организации, чем те, что существовали тогда в континентальной Европе; это была организация, которая развилась главным образом в ходе политического конфликта с французской монархией и завоевания самой Англии. Норманнская военная организация была более развитой, чем организация любого из ее континентальных соперников; и, быть может, наиболее важным было то, что норманнский правящий класс развил благодаря распространению королевских судов более эффективные средства улаживания споров между своими членами. Результатом этого стало установление в средневековой Англии гораздо более централизованной и сплоченной формы феодализма по сравнению с теми, что существовали тогда на континенте, позволявшей отдельным членам английского правящего класса более эффективно собирать феодальные платежи благодаря внеэкономическому принуждению и более эффективно

готовиться к войне. В результате, в то время как французская аристократия пережила ряд военных поражений и снижение феодальных повинностей в результате крестьянских побед на протяжении большей части периода феодальной экономической экспансии с конца XI по конец XIII века, английская аристократия получала все большую прибыль вследствие своего все более эффективного господства и ряда военных побед в тот же самый период²³.

Тем не менее к началу XIV века Англия начала подходить к внутренним пределам развития сельского хозяйства, организованного вокруг индивидуального крестьянского владения наделом и индивидуального господского изъятия излишков путем политического принуждения. Производительность падала, цены на продовольствие и земельная рента росли, а численность населения достигла верхнего предела и начала сокращаться. Как и везде, в Англии правящий класс также пытался компенсировать падение ренты внеэкономическими мерами. Особенно после губительных эпидемий, он стремился резко усилить свой контроль над крестьянами и поднять ренту в условиях снижения плотности населения. Но эти усилия потерпели провал из-за крестьянских восстаний и мобильности. К XIV веку английские крестьяне, как и крестьяне всей Западной Европы, завоевали свою свободу и имели низкую ренту. Какое-то время хорошо организованной английской аристократии удавалось справляться с падением доходов внутри страны за счет успешных военных кампаний за рубежом. Но с середины XIV века она столкнулась с растущим сопротивлением со стороны все более централизованного французского правящего класса. Итогом стала гражданская война в самой Англии, когда английский феодальный класс направил свои политико-военные ресурсы на перераспределение богатства своих собственных членов²⁴.

В долгосрочной перспективе неспособность английских господ закрепить крестьян или перейти к абсолютизму (как это сделали их французские и германские соседи) вынудила их к поиску того, что оказалось новым способом выхода из фискального кризиса. Не имея возможности навязать крестьянам некую систему внеэкономических повинностей, господам пришлось использовать свои оставшиеся феодальные привилегии для создания того, что в конечном итоге оказалось капиталистическим развитием. Хотя они и не в состоянии были произвести новое издание крепостничества, как это сделали их собратья в Северо-Восточной Европе, английские господа, в отличие от своих французских и германских соседей, смогли использовать свою не такую уж слабую организацию феодального класса для закрепления за собой полной собственности на землю. Здесь особенно важным было сохранение за ними с эпохи Средневековья прав на обширные имения.

23. F. M. Stenton, *English Feudalism 1066–1166*. Oxford: Oxford University Press, 1932, chap. 1; David C. Douglas, *William the Conqueror*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1964, p. 133–155.

24. Postan, «Medieval Agrarian Society»; Rodney H. Hilton, *The Decline of Serfdom in Medieval England*. London: Macmillan, 1967, p. 32–37.

Но главным их козырем оказалась их способность не допустить закрепления за держателями полной собственности на свои наделы. И вновь это сохранение контроля над земельной собственностью стало возможным только благодаря власти, которая была установлена ими за весь феодальный период.

Конечно, собственность на землю английских господ давала им право сдавать свои земельные участки в аренду по конкурентным ценам; и поначалу, в XV веке, рента должна была быть очень низкой. Необходимо подчеркнуть, что, утверждая свои права на землю, английские феодалы не собирались вводить новую систему отношений собственности. Они просто хотели не дать крестьянам установить фиксированную ренту и права наследования, которые угрожали способности господ воспроизводить себя в качестве таковых. Тем не менее эпохальным, хотя и непреднамеренным, следствием этого стало включение их арендаторов в конкуренцию за наделы, и все это было необходимо для экономического развития²⁵.

Поскольку потребность в земле, продовольствии и сырье начала расти в результате роста населения, торговли и промышленного производства в XVI веке, арендаторы столкнулись с необходимостью сохранения своих наделов. Они больше не могли заниматься натуральным хозяйством по той простой причине, что они не владели своими средствами воспроизводства, и последствия этого были весьма серьезными. У английских крестьян не было иного выбора, кроме как принять производство для обмена в качестве своего правила воспроизводства; ибо если они не приходили к специализации, накоплению и совершенствованию, они просто не могли успешно конкурировать на рынке за наделы и лишались своих участков. В то же самое время землевладельцы считали себя обязанными создавать более крупные, консолидированные и хорошо оснащенные хозяйства, если они хотели привлечь наиболее производительных и потому наиболее выгодных арендаторов. Долгосрочные результаты были двоякими. Во-первых, процессы дифференциации привели к появлению капиталистических фермеров-арендаторов, которые способны были использовать труд наемных работников; во-вторых, процессы конкуренции в сельскохозяйственном производстве в конечном счете означали революцию в сельском хозяйстве, поскольку коммерческие фермеры вынуждены были осваивать методы, которые были уже давно доступными, но на протяжении долгого времени не использовались крестьянами, которые не собирались сознательно брать на себя риски специализации, не говоря уже о необходимых капиталовложениях.

Короче говоря, накануне эпохи раннего Нового времени сопротивление и мобильность английских крестьян существенно ослабляли способность господ осуществлять внеэкономический контроль, необходимый для изъятия феодальной ренты. В свою очередь, действия феодальных господ по сохранению своей способности изымать часть продукции своих крестьян отделили крестьян от средств воспроизводства. Непреднамеренным следствием этого было разрушение системы феодальной собственности и вве-

25. Brenner, «The Agrarian Roots of European Capitalism», p. 291–299.

дение новой системы капиталистических отношений собственности, при которой правящий класс больше не мог воспроизводиться, изымая часть продукта благодаря своему внеэкономическому господству над прямыми производителями, и при которой новые свободные прямые производители больше не владели своими средствами к существованию. Результатом закрепления новой системы отношений собственности было навязывание экономическим участникам новых правил воспроизводства, прежде всего, воспроизводства для обмена, которые естественным образом вели в долгосрочной перспективе к совершенно новой форме экономической эволюции. В XVI–XVII веках английское сельское хозяйство преодолело старую тенденцию к падению доходности и испытало долгосрочный рост душевого производства. Никакая мальтузианская коррекция не прекратила долгосрочный рост численности населения. «Общий кризис XVII века» миновал только Англию и Нидерланды. Дешевые сельскохозяйственные продукты вызвали долгосрочную тенденцию к снижению заработной платы, что сделало возможным рост дискреционного потребления, перевод все большей части населения из сельского хозяйства в промышленность и способствовало появлению растущего внутреннего рынка промышленных товаров. Промышленность и сельское хозяйство впервые стали поддерживать друг друга, а не конкурировать между собой, а рост населения служил стимулом для роста, а не спада. Англия переживала непрерывный промышленный и демографический рост вплоть до XVII–XVIII веков, который в конечном итоге вылился в «промышленную революцию».

В заключение надо сказать, что именно Восточная Европа, Центральная Европа, Южная Европа и большая часть Западной Европы были «нормальными» в том, что не пережили прорыва. Иначе дело обстояло лишь в Англии и—в более ограниченной степени—в Нидерландах. Но только эти исключения отвечают условиям, при которых могло произойти «нормальное» смитовское развитие.

Перевод с английского Артема Смирнова